

НАТАЛИЯ
ТЕРЕНТЬЕВА

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
«ЖАНРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ КНИГИ

НАТАЛИИ ТЕРЕНТЬЕВОЙ

БЕДНЫЙ БОБИК

СОЛНЦЕ НА АНТРЕСОЛЯХ

КУДА УЛЕТАЮТ АНГЕЛЫ

ЛАСТОЧКА

МАРИМБА!

МОЙ ЧЕЛОВЕК

НАРИСУЙ МНЕ В НЕБЕ СОЛНЦЕ

ПОХОЖАЯ НА ЧЕЛОВЕКА И УДИВИТЕЛЬНАЯ

ПТИЦА, ЛЕТЯЩАЯ К НЕБУ

СИБИРСКИЙ ПАПА

СИНДРОМ ОТСУТСТВУЮЩЕГО ЁЖИКА

СТРАСТИ ПО МИТРОФАНУ

ТАНЦУЮЩАЯ НА ВЕТРУ

ТВОЯ ЗВЕЗДА

УЧИЛКА

ФЕЕЧКА

ЧИСТАЯ РЕЧКА

НАТАЛИЯ
ТЕРЕНТЬЕВА

УЧИЛКА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т35

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

*Все события и персонажи этого романа вымышлены,
любые совпадения случайны*

Иллюстрация на переплете — Виктория Лебедева

Терентьева, Наталия

Т35 Училка: / Наталия Терентьева. — Москва: Издательство АСТ, 2023. — 480 с. — (Золотые небеса).

ISBN 978-5-17-155120-9

Жизнь Ани похожа на сказку, временами страшную, почти волшебную, с любовью и нелюбовью, с рвущимися рано взрослеть детьми и взрослыми, так и не выросшими до конца.

Рядом с ней хорошо всем, кто попадает в поле ее притяжения — детям, своим и чужим, мужчинам, подругам. Она знает, что дорога к счастью — в том, как прожит каждый день. Иногда очень трудно прожить его, улыбаясь. Особенно, если ты решила пойти работать в школу, и твой собственный сын — «тридцать три несчастья»...

Но она смеется, а жизнь в награду за хороший характер преподносит неожиданные и очень ценные подарки.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-155120-9

© Н. Терентьева, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

*Благодарю свою дочь
за искреннее участие в написании книги,
ценные советы, поддержку,
юмор и оптимизм.*

«Happiness is not a station to arrive at, but a manner of traveling».

«Счастье — это не станция назначения, а способ путешествия».

М. Ли Ранбэк

Глава 1

Моя жизнь похожа на сказку. Иногда очень страшную. Иногда — волшебную, с превращениями. Наивную и добрую. Так случилось потому, что так положено в сказке. В жизни так не бывает. В моей — бывает по-всякому.

Когда-то в юности мне казалось, что все нужно успеть сделать до двадцати лет, в крайнем случае, до двадцати пяти. Это было очень глупое представление, как, впрочем, и сама юность. Возможно, у кого-то юность бывает умной и правильной. Человек получает полезную профессию. Выбирает хорошего спутника, вовремя рождает детей. У меня же юность была глупая, сикось-накось перекошенная. Но бурная и насыщенная яркими событиями.

Я вышла замуж за мальчика, которого любила со второго класса, и уехала в Эфиопию. Нет, мой муж не был эфиопом, он был дипломатом. В Эфиопии он заболел и умер. Я страшно переживала, совершенно не представляла себе жизни без него. Это прошло довольно быстро. Я вышла замуж во второй раз.

Второй муж мой был на десять лет старше, очень красивый, высокий летчик. Летал в Европу и обратно. Иде-

альный мужчина. С породистым лицом, спортивный, порядочный. Он умел готовить и зашивать себе одежду. Смотреть на него мне первое время нравилось, а говорить — нет. Мне не о чем было с ним говорить. А он хотел со мной разговаривать и философствовал все время, когда был дома. О работе, о политике, о вечном, о боге, о будущих детях, о своем детстве, о книжках, которые он читал в школе. Но мне это было совершенно неинтересно. Он был глуп. Он был глупее даже меня, а я себя особенно умной не ощущала. Возможно, потому что вокруг меня всегда были очень умные люди.

Умная мама, кандидат педагогических наук, умный папа, директор музыкальной школы, умный брат, старший, заботливый. Умные преподаватели в Университете, все до одного. Умный первый муж Павлик. Красивый и умный, редкое сочетание. Если бы он не заболел странной местной болезнью, которая у эфиопов проходит легко за неделю, как наш насморк, так бы я и жила — глупая среди умных. Но Павлик умер. Родители — тоже. Преподаватели остались в Университете. А я приехала из Эфиопии и от растерянности, скорей всего, вышла снова замуж.

Два года я слушала своего нового мужа и понимала — какая же я умная. Я знаю больше, понимаю глубже, быстрее соображаю, могу анализировать, остроумно ответить... В общем, не написать ли мне книжку? Подумала я и начала писать. Муж меня не поддержал, ему-то не казалось, что я умна и остроумна, чаще всего он просил меня помолчать и послушать, что скажут старшие, то есть он.

Я развелась со вторым мужем — невозможно было дальше выносить его разглагольствования. Я его не любила, и к тому же мне было с ним некомфортно. Сочетание невыносимое для жизни.

Я вернулась на родные Воробьевы горы, в родительскую квартиру, которую благородно отдал мне старший брат. Он переехал с семьей на нашу старую дачу в Наха-

УЧИЛКА

бино, утеплил ее, надстроил и сделал из нее настоящий загородный дом.

Жить мне одной в квартире было поначалу очень тяжело. Все напоминало о детстве. О маме, о папе. У них всегда была своя какая-то жизнь, тайны, переглядки, свои разговоры. Но все равно мне было хорошо с ними, я их любила. Первое время я даже думала — не продать ли мне квартиру и не купить ли новую, в которой я бы не начала плакать просто оттого, что на столе нацарапано моей собственной рукой «Андрюшк». Я помню даже, при каких обстоятельствах я это царапала.

Я писала Андрюшке о том, что мама, придя с работы, рассердилась на меня — я скрыла первый раз в жизни полученную двойку — и заперла меня в комнате. Я хотела нацарапать Андрюшке прощальные слова и сбежать в окно — квартира наша на втором этаже. Но вовремя пришла мама, обняла меня, объяснила, что на самом деле ей совершенно наплевать на двойку, мы ее исправим. Главное — не врать родным и близким. И мы пошли вместе готовить ужин. Странно, некоторые вещи так западают в память. Я помню, что мы пекли пирожки с капустой. Я совершенно не хотела готовить, я хотела их есть. Взять теплый пирожок, самый первый, и убежать в свою комнату, читать Жюль Верна. Но еще я хотела понравиться маме, так легко помилившейся со мной. И я старательно лепила пирожки, слушала маму. О чем мы говорили — не помню, а то, что я в тот день читала «Таинственный остров», — помню.

Андрюшка — мой старший брат, похожий одновременно на маму и на папу. Внешне — больше на папу. А внутренне на маму. Спокойный, мягкий в общении, твердый в решениях. Он отсоветовал мне продавать квартиру, объяснив, что одиночество и тоска от этого никуда не уйдут. А памяти легче обитать в привычных стенах. Так я и ста-

ла жить. Одна, с памятью о детстве, о двух коротких замужествах. И с компьютером, который мне подарил Андришка и на котором я быстро написала книжку о своей жизни в Эфиопии.

Я написала о том, как влюбилась в Павлика, когда он пришел к нам в класс новеньким в восемь лет. Как любила его в школе, страдала, потому что ему нравились старшие девочки, а он, красивый, стройный, белокурый, нравился им. О том, как, закончив МГУ, вышла все-таки за него замуж в двадцать два года, а в двадцать два с половиной стала вдовой. О том, как покрылся красными пятнами мой муж Павлик, как эфиопский врач лишь отмахнулся, объяснив, что у них так болеют дети, ничего страшного. О том, как той же ночью умирал Павлик, а я никак не могла объяснить врачу по телефону, что он умирает. Я никогда не видела, как умирают. Но я сразу поняла, что он сейчас умрет. Пока ко мне ехали другие русские — мы жили не в столице, Павлика назначили помощником консула в небольшой город, — я пыталась вызвать эфиопского врача. И никак не могла вспомнить, как же будет по-английски «умирать». Это легкое, короткое слово. Совсем не страшное. Но я его забыла. Неправильно произносила. Я учила в Университете и в школе немецкий язык. И врач не спешил. Он приехал слишком поздно.

Я вернулась домой, в родной город. И через полгода умер папа. А за ним — мама.

Когда мне было лет семь или шесть, я однажды слышала, как мама с папой заключили договор. Так мне, по крайней мере, показалось. Что это был настоящий договор. Как бывает между государствами.

— Я умру вместе с тобой, — сказала мама.

— Договорились, — ответил папа, ответил очень серьезно. Не стал переубеждать.

Мне было страшно и обидно. Как это они договорились? Как они могли договориться умереть вместе? А мы

УЧИЛКА

с Андрюшкой? Может, нам тоже договориться и умереть вместе? Я даже пошла к нему поговорить об этом, но он меня и слушать не стал. Сказал:

— Маленькие не умирают!

— Но ты же не маленький?

— Я — нет, а ты — малявка еще, тебе не надо об этом думать. А родители пошутили просто. Иди, спроси у них.

Я не стала спрашивать. Я понимала, что Андрюшка меня утешает и обманывает. Я была глупее всех в семье, но такие вещи я всегда понимала. Маленькие еще как умирают. Наш собственный старший брат умер, когда ему было три года. Мы его не видели, ни я, ни Андрюшка, но мы прекрасно знали эту страшную историю. Как мама не хотела жить. Как потом родился Андрюшка и был совершенно не похож на того брата, как мама сначала не хотела даже его кормить, но папа ее заставил, и она очень любила Андрюшку. Тем более он оказался похожим на папу, которого мама так любила.

Все это я знала. И знала, что родители не шутили. Они договорились. Как договорились, так и сделали. Папа умер от сердечного приступа, потому что много работал, мало отдыхал и носил тяжести на даче, а мама несколько месяцев после похорон ходила черная, мало разговаривала, почти ничего не ела. Потом заболела воспалением легких и в больницу ехать отказалась. А когда Андрюшка ее отвез, уже в беспомощности, спасти ее не смогли. Да не смогли бы и раньше, она не хотела жить без папы и как будто нарочно хотела заболеть. Ни меня не видела, ни Андрюшку, ни свою первую внучку, Андрюшкину дочку, которая только-только родилась.

Наверно, бывает такая любовь. Только у меня ее не было. Павлика я очень любила. Но жить хотела и с ним, и без него. Ни разу у меня не возникала такая мысль — что я больше не хочу жить, раз не вижу больше Павлика. Когда он умер, я хотела жить, просто не знала — как.

Ведь я любила его с восьми лет. А второго мужа, Сергея, я и не любила.

Мне казалось, что все придет потом. И большая любовь, и, наверно, все будет, как у родителей. Только, возможно, я буду чуть больше любить своих детей. Но «потом» всё никак не наступало. Двадцать пять, двадцать восемь, тридцать. Тридцать два. Тридцать три. У Андрюшки росли дети, один за другим. Двое, трое. Потом он взял на воспитание мальчика, оставшегося без родителей. Однажды встретил необыкновенную любовь, но бросить семью не смог, и очень этому радовался через несколько лет. Семья — большая, родная — осталась. И жена, похожая на всех его детей, похожих на него самого. А любовь необыкновенная как-то приелась, стала то ли пообычной, то ли вообще показалась...

Я же очень хорошо жила. От одиночества не тосковала. С моим прекрасным образованием — филфак МГУ — я находила отличную работу. Четыре года работала в серьезном журнале редактором, написала еще одну книжку — теперь уже про Андрюшку и его любовь, даже кто-то умудрился снять фильм по этой книжке. Книжка была так себе, наверно. Фильм еще хуже. Ничего в моей жизни они не изменили. Ни денег, ни славы, ни какого-то другого занятия, еще более интересного. Я не тосковала, но я ощущала пустоту. Одной работы мне было мало. Не хватало чего-то другого. Я поняла, что изменить это может только ребенок.

После второго замужества и быстрого развода я стала смотреть на мужчин более внимательно. И чем внимательнее я смотрела, тем меньше они мне нравились. Я не встречала ни одного, с кем бы я хотела завтракать, ужинать каждый день и растить общих детей. И, подумав, я решила родить ребенка от Андрюшкиного друга, хорошего, здорового, порядочного человека, скучного, правильного, бедного. Неженатого и мечтающего о семье. Прес-

УЧИЛКА

ного учителя физики, по совместительству работающего в какой-то фирме инженером-техником. Он не умел и не умеет чистить зубы, забывает об этом, плохо одевается, читает свежие газеты, задает нелепые вопросы. Зачем спрашивать, люблю ли я его. Нет, не люблю. Я долго думала и замуж за него выходить не стала. Очень мне это трудно было объяснить моему брату. А надо было — я не могла остаться совсем в одиночестве, лишь с двумя подругами, занятыми своими семьями, и с алиментами от физика. Андрюшка — мой лучший друг.

— Ты — самая подлая тетка из всех, кого я встречал, — сказал мне мой брат и не разговаривал со мной полгода.

У меня же теперь росли девочка Настя и мальчик Никита. От физика я умудрилась родить двойню. Физик приходил к нам сначала каждый день, когда дети были маленькие, потом устал, стал приходиться реже. Потому что ночевать я его не оставляла, и раздражал он меня чрезвычайно, особенно своей схожестью с моими детьми. Его присутствие мешало мне их любить. Поэтому я решила ограничить его приходы субботами. В субботу у моих детей будет полная семья. Так я объявила и ему, и детям, и Андрюшке, который через полгода привык к своему новому состоянию — дядя двоих малышек, родных по крови, — и стал образцовым дядей, а мне опять — лучшим другом, критиком, советчиком, утешителем. Правда, утешать меня ему было не в чем.

Работала я теперь дома. Пробовала что-то писать для разных журналов, переводила худо-бедно с немецкого и даже с английского технические в основном статьи, советовалась иногда с физиком, давала ему возможность проявить себя. Сама вспомнила все английские слова, которые так плохо знала, приехав первый раз за границу. Что-то редактировала, корректировала, подтягивала чужих детей по русскому языку... Денег категорически не хватало. Но их не хватает всегда. Физик устроился в хорошую

фирму, неожиданно стал получать больше, баловать детей, дарить мне дорогие и ненужные вещи, даже оплачивать нам летний отдых на далеких теплых морях.

Первый раз он попытался поехать с нами сюрпризом. Мы сели в самолет — и увидели своего папу. Дети обрадовались безгранично. Я же поняла — или сейчас или никогда. И четко ему объяснила, когда самолет приземлился в далеком теплом городе Варна:

— Я тебя не люблю и не полюблю никогда, понимаешь? Так вышло. Нет любви. Совсем не люблю.

— А я тебя люблю, — сказал физик и прижал к себе детей. — И никого больше не полюблю.

— Ну и дурак, — пожала я плечами. — Жизнь уходит.

— У тебя тоже жизнь уходит! — попробовал поспорить со мной отец моих детей.

— У меня жизнь не уходит, а идет, не путай. Никита и Настя, рты закрыли, руки мне дали и — вперед!

Так мы и жили в то лето (и потом — когда сюрприз неизменно повторялся, с вариациями) — я с детьми в одном номере, их отец Игорь — в другом. На Игоря, вполне симпатичного, заглядывались девушки и женщины, отдыхающие одни. А он таскался за нами, мешал, грустил, вздыхал, скребся ко мне ночами, посылал дурацкие эсэмэски. Пару раз я заходила к нему в номер, и чем счастливее становился он от близости со мной, тем тошнее было мне. Жаль, конечно. Ведь некоторые так живут. Безо всякой любви, но не страдая при этом. Мне же жить с Игорем можно было только через отвращение и страдание. Мне не нравилось в нем все. Как пахнет его кожа, как аккуратно причесана седеющая бородка, как он складывает руки на отсутствующем животе и преданно смотрит на меня, как смеется, когда я говорю ахинею, как ласково обнимает, как будто ему одиннадцать лет и у него нет ни сил в руках, ни нормальной мужской наглости, ни опыта (опыта у него и правда нет, благодаря мне). Не нра-

УЧИЛКА

вилось, как он ест, аккуратно пережевывая еду, как пьет маленькими осторожными глотками, как замирает под натиском маленького Никиты, очень рано почувствовавшего себя в нашей семье единственным мужчиной. По субботам приходит папа, но мужчина вообще-то — он, Никитос.

И Никитос смело говорил Игорю:

— Отвянь!

Получал от меня за это подзатыльник, искренний, возмущенный, но в следующий раз так же пытался самоутвердиться за счет своего мягкого, хорошего, нелюбимого мамой, то есть мной, отца.

Настя любила отца больше. Заглядывалась на него, могла забыть про еду, запихнуть в рот кусок, начать жевать, потом положить его за щеку (не выплюнешь, а прожевывать — долго, мешает слушать) и внимать рассказу Игоря. Доброму, милому, незамысловатому, ненавязчивому. Мы с Никитосом хохотали, а Настя огорченно смотрела и на нас, и на Игоря.

— Ну не могу я с тобой жить, понимаешь? Давай дружить.

— Я же мужчина, Анютонька...

Какими только нежнейшими именами не называл меня Игорь! Бесполезно было говорить ему, что они меня раздражают. Что мне нравятся — теоретически — мужчины брутальные, жесткие, хамские, у которых нет времени, ласкательных суффиксов, и от которых любимая женщина уйти просто так не сможет в соседний номер. Она уйдет только тогда, когда он отвернется и захрапит.

Но это только теоретически. Встречая в жизни хамоватого мачо, тяжело передвигающего большие ноги, медленно поворачивающего голову в мою сторону, нагло оценивающего меня с ног до головы, я испытываю не трепет, а отвращение.